

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год ХLI

№ 141

1986

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- Владимир КОРМЕР. Наследство (главы из романа)
Памяти Ольги АНСТЕЙ 5
С предисловием Вольфганга КАЗАКА 64
Ольга СЕДАКОВА. Стихи 69

СОВРЕМЕННЫЕ ОЧЕРКИ

- Михаил ХЕЙФЕЦ. Путешествие
из Дубровлага в Ермак 73

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Владислав КРАСНОВ. Воскрешение Столыпина 154
Андрей КОРЖИНСКИЙ. Страсти по Мастеру 186

ИСТОРИЯ

- Юрий ФЕЛЬШТИНСКИЙ. Брестский мир 203

"ГРАНЯМ" — 40 ЛЕТ

- Вступая в пятое десятилетие 252
Интервью с основателем журнала Е.Р. РОМАНОВЫМ 256

БИБЛИОГРАФИЯ

- Юрий КУБЛАНОВСКИЙ. Жизнь и судьба
Василия Гроссмана 284
Сергей ГОЛЛЕРБАХ. Скульптор духовного синтеза 288

Памяти Ольги Анстей

”ДУША ПРОСНУЛАСЬ...”

Памяти русской поэтессы Ольги Анстей

”Душа проснулась...” — так начинается первое ее стихотворение из цикла ”Живые камни” в сборнике избранной лирики, вышедшем в Нью-Йорке в 1976 году. Душа ”рванула нить”, читаем мы дальше в том же стихотворении, и вот она ”одна на лунном перекрестке”, новым видением, освобожденным от земной суеты, постигает, ”что камни в этом городе живые”.

Здесь Ольга Анстей как бы предиспытывает опыт смерти, подтвержденный рассказами клинически умерших и затем постепенно вернувшихся в человеческое сознание; предчувствует она дальнейшее бытие человека тотчас же после смерти, освобожденного от тела — в новом всеобъемлющем постижении земной жизни, увиденной из бесконечного — у Ольги Анстей это так же и ощущение одушевленности неодушевленного в мире нашем, как ее ”камни в этом городе”.

”Этот город” был для Ольги Анстей Киевом, где родилась она 1 марта 1912 года, был он и Мюнхеном, куда бежала она через Прагу в 1943 году со своим мужем Иваном Елагиным, большим русским поэтом, и где проживала с 1946 по 1950 год, был он и Нью-Йорком, где работала она переводчицей в ООН с 1951 по 1972 год и где, окруженная заботой дочери Елены Матвеевой, скончалась 30 мая 1985 года.

Я познакомился с ней 8 января ее последнего года. Была она уже отмечена смертью, к смерти готовая. Я ощутил угасающее мерцание блеска этой одаренной поэтессы, находясь в естественной импровизированно-гостеприимной

атмосфере, привезенной из России всеми эмигрантами оттуда.

Ольга Анстей принадлежала ко второй волне эмиграции, которая покинула родину вместе с немецкими войсками, избежала насильственной репатриации, собралась во Франкфурте или в Мюнхене и затем, в большинстве своем, эмигрировала в Соединенные Штаты.

В Мюнхене с 1946 года Ольга Анстей начала печатать свои стихи (тогда же появилось в печати ее хорошее эссе о Пастернаке), а в 1949 году вышел первый ее сборник стихов. С раннего детства тяготела она к стихотворному словесному выражению, однако советские условия заставляли ее молчать. Она писала "в ящик" — при Сталине ведь не было "Самиздата".

Знание английского, французского и немецкого языков обеспечили ей работу в Нью-Йорке при ООН. Оно дало ей также возможность перевести с этих языков на русский некоторые стихотворения Рильке, Хаусмана, Честертона, Теннисона. Главный ее переводческий труд, как и ее к тому времени бывшего мужа (они развелись в 1950 году), это перевод Стивена Винсента Бене: она перевела его повесть "The Devil and Daniel Webster" (1960), Иван Елагин перевел большую эпическую поэму Бене "John Brown's Body" (1979).

Из того напечатанного, что регулярно появлялось в периодических изданиях, собрала она второй сборник стихов (1976) "На юру", — на открытом возвышенном месте, — это название соответствует ее мироощущению. "Безбольной радости... / На этом свете нет". Эти стихотворные строчки можно сопоставить с другой, не менее значительной строчкой: "Мы в руках живого Бога". Именно эта убежденность русской православной христианки дала ей возможность перенести, переплавив в поэзию, потерю родины, одиночество, уродливое в человеке, мрак, боль и бездушие. К этому следует добавить, что стихи ее тщательно отработаны, экономны в повторениях, осознанно традиционны и многослойны в выражении. Они излучают положительный свет, поучающий жизни.

Вольфганг Казак

Ниже мы печатаем перевод стихотворения Оскара Уальда "Flower of love", сделанный Ольгой Анстей за шесть месяцев до смерти.

Оскар УАЙЛЬД

ЦВЕТОК ЛЮБВИ

Друг — упреков нет: я сам виновен,
Если б я не так, как все, страдал,
Поднялся б к вершинам недоступным,
День полней и шире увидал.

Из моей опустошенной страсти
Я сковал бы верный чистый звук,
Чтобы пламенеть вольнее воли,
Биться с чудищем когтистых рук...

Если мука вылилась бы в песню
С губ моих, придавленных в крови, —
Ты б ходила, с ангелами, с Биче, —
На лугу нетронутой любви.

Я б тогда пошел дорогой Данте —
На семь солнц — в сияющих кругах.
Мне б, как Флорентинцу, мог открыться
Свет зари в небесных воротах...

И тогда б народы увенчали
Скромного, безвестного меня...
Я б склонил колени в Храме Славы,
В полосе восходного огня.

Я б сидел на мраморных подмостках,
Где равны душой и стар, и юн,
Где свирель исходит сладким медом
И стекают звуки с лирных струн...

Китс отвел бы кудри из фиала
Макового брачного вина,
Амброзийным ртом чела коснулся,
Сжал бы руку, что была верна.

А весной, когда летит цвет яблонь,
Задевая перья голубей —
Двое юных в зарослях плодовых
Повторили б повесть наших дней.

И прочли б сказанье нашей страсти —
Горькой тайны несказанной тьмы,
Повторили б наши поцелуи,
Но не разлучились бы, как мы...

Ибо червь, грызущий цвет надежды,
Подточил побеги корешков,
И никто не соберет увядших
Свежей розы первых лепестков.

Нет — не жаль, что я любил и плакал:
Что я мог? И что я, мальчик, смел?
Время гложет, годы убегают
И скользят бесшумно за предел...

Без руля, несет нас по теченью,
И, как буря юности пройдет —
Без хорала, без напева лютни —
Смерть, безмолвный кормчий, руль берет.

А в могиле нету утешенья:
Роег червь и капает вода,
И желанье сыплет серый пепел,
Древо страсти не дает плода.

Что я мог? Любить тебя — и только...
Не была родней мне Божья Мать...
Не могла Киприда драгоценней
Серебристой лилией сиять!

Выбор сделан, песни перепеты.
Догорела юность до конца.
Предпочел венок из мирт любовных
Я лавровому венку певца.

